

Рецензия на выпускную квалификационную работу
Жебровской Ксении Алексеевны
«Эволюция состава и употребления фразеологизмов библейского
происхождения в русском литературном языке XIX — начала XXI века
(на материале корпусных данных)»
на соискание степени бакалавра

Ксения Алексеевна Жебровская для своей выпускной работы выбрала очень интересную и достаточно хорошо разработанную в науке тему вхождения, адаптации и функционирования в литературном языке фразеологизмов (и близких к ним устойчивых выражений) библейского происхождения. Даже поверхностный экскурс в исследовательскую литературу последних лет обнаруживает до десятка работ разного статуса, так или иначе связанных с этой проблемой: *Шумилин Д.В. Библизмы в фразеологической системе современного русского языка* (мон.); *Качановская О.Б. Семантико-грамматические типы фразеологизмов библейского происхождения в немецком, русском и белорусском языках* (ст.); *Прибытько Е. Н. Библизмы в языке современных газет* (КД); *Чушкова А.Н. Фразеологизмы новозаветного происхождения в современном русском языке*. (ВКР); *Бетехтина, Е. Н. Фразеологические библизмы с ономастическим компонентом в современном русском языке: (на фоне английского)* (КД); *Тихоненко М.Н. Библейские фразеологические единицы в итальянском языке как структурный компонент художественного текста* (ст.) и др.

Следует сразу отметить, что ракурс рассматриваемой темы у Ксении Алексеевны свой, и вполне самобытный, что обеспечивает безусловную **новизну работы**. Ей интересны изменения в составе и употребительности (пока – условно) библейских фразеологизмов в русском литературном языке на весьма продолжительном временном отрезке – с XIX в. по сегодняшний день (нач. XXI в.), и эти изменения, названные «эволюцией», можно было бы квалифицировать как угасание или – напротив – возрождение интереса носителей литературного языка к высокой образности (часто) сакрального содержания, во многом послужившей причиной вхождения и активного распространения этих единиц в общенациональном языке (с.15). Прагматический аспект этой весьма непростой с теоретической точки зрения темы обеспечивает **актуальность выпускной работы**.

Ксении Алексеевне неизбежно пришлось столкнуться с рядом сложных и до конца не решенных в «классической» лексикологии проблем: границы фразеологии, классификация фразеологизмов по различным признакам,

вариантность и устойчивость компонентного состава фразеологизмов, содержание понятия «библейский фразеологизм», определение семантико-грамматических характеристик субстантивного фразеологизма и ряд др. Необходимо сказать, что все эти неоднозначно трактуемые вопросы наша соискательница успешно разрешила двумя проверенными путями. Во-первых, достаточно подробно и широко, можно сказать «от печки», но всегда предметно и «без воды» (напр. 1.3), она информирует читателя о состоянии конкретной проблемы в науке; во-вторых, примыкает к позиции авторитетного ученого в определении своих исходных терминологических и понятийных предпочтений. Это очень верно, и для выпускной квалификационной работы бакалаврского уровня – более чем оправданно. Сказанное свидетельствует о крепкой и **методически выверенной стратегии** К.А. Жебровской в работе с обширной научной литературой, связанной с определением исходных теоретических положений, необходимых при исследовании конкретного языкового материала.

Ряд вопросов исключительно рекомендательного характера (т.е. для будущего) необходимо высказать по этой части работы. Следовало бы избегать столь категоричных и однозначных в своем содержательном решении тезисов, какие встречаются в тексте работы, например: «возрождение употребительности фразеологизмов библейского происхождения в русском языке, связанное с отходом России от атеистической идеологии» (с. 23). Дело, конечно, не только в этом и, возможно, лишь в малой степени в этом. Это вопрос, как мне представляется, более сложный, многослойный – как в социокультурном, так и собственно лингвистическом смысле. А фразеологизмы, даже библейского происхождения, все же имеют обыкновение утрачивать свою непосредственную связь с текстом, их породившим, и жить автономно, накапливая коннотации и дополнительные значения в разные времена и эпохи: *блудный сын* и при атеизме, и при коммунизме, и при либеральном капитализме – (все-таки) больше общекультурное речевое явление, чем свидетельство религиозности / нерелигиозности общества, его употребляющего, равно как и *манна небесная* и *голубь мира*.

Для прояснения дефиниции «библейский фразеологизм» (БФ) было бы логичным указание на то, что – как и всякое текстовое заимствование – его следует характеризовать с точки зрения сферы фиксации и сферы употребления. Так, в рабочем определении говорится, что БФ – это «устойчивые обороты, как правило, обладающие экспрессивностью, эмоционально-оценочными характеристиками и имеющие переносные

значения» (с. 8). Однако многие рассматриваемые фразеологизмы в тексте Библии (т.е. в сфере первичной фиксации, в источнике) – не имеют эмоционально-оценочную характеристику, не все из них обладают экспрессией и переносным значением. Все это появляется в других текстах, т.е. во вторичной сфере, сфере употребления первично библейских выражений, где и проявляются их фразеологические черты и где совершенно естественны различные структурные трансформации исходных синтаксических форм. Почему-то Ксения Алексеевна считает, что «одной из основных черт библейских фразеологизмов является вариантность» (с. 32), хотя этим качеством обладают различные по происхождению фразеологические и устойчивые выражения, в том числе и фольклорные поговорки, пословицы: *псу (коту) под хвост* (лексическая вариантность); *забубенная головушка – головушка забубенная* (вариантный порядок компонентов) и под.

Взяв в качестве источника исходного материала два словаря библейских выражений, во второй главе работы К.А. Жебровская дает в подробных таблицах сопоставительную характеристику представленности субстантивных фразеологизмов в этих словарях и подкрепляет их фиксацию данными из Национального корпуса русского языка. Есть здесь ценные для лексикографов замечания о том, что тот или иной фразеологизм не попал ни в один из взятых словарей. Правда, создается впечатление, что большая работа по составлению сопоставительных таблиц (с. 29–40) в количественном, толковательном, структурно-вариативном отношении несколько отвлекла Ксению Алексеевну от наблюдений за собственно эволюцией использования этих фразеологизмов в литературных текстах, что данные Корпуса имеют здесь факультативное значение относительно данных словарей (хотя работа – как будто – имеет характер прежде всего **КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**). Однако это впечатление, к счастью, улетучивается по прочтении третьей главы, в которой автор работы исключительно по данным Корпуса дает еще одну невероятно интересную статистику – распределение по хронологическим периодам и тщательный подсчет использования фразеологизмов библейского происхождения. Работа проделана очень большая.

Во-первых, на с. 46 дается интересная хронологизация рассматриваемого времени (с XIX по XX век), представленная в 4-х временных периодах. Признак классификации не указан (*Для более точного анализа выбранный временной промежуток был условно разделён нами на следующие четыре отрезка*), но каждый из периодов пояснен, из чего я

делаю вывод, что эта периодизация – результат творчества самой соискательницы и может быть квалифицирована по признаку степени участия и значения церкви в общественной жизни страны (?). Словом, связь между использованием фразеологических единиц библейского происхождения и общественной значимостью церкви автором работы всегда держится в голове как непосредственная. Думается, это несколько упрощенный взгляд на эти процессы. Однако это – позиция, которая отчасти подкрепляется данными Корпуса, отчасти не совсем, но я как рецензент ее принимаю и считаю её – в рамках этой работы – в известном смысле оправданной.

Во-вторых, период за периодом характеризуется на предмет использования тех или иных субстантивных фразеологизмов в цифрах, структурных характеристиках, толковательных изменениях, стилистических признаках. Этот статистико-содержательный анализ потребовал от Ксении Алексеевны большого трудолюбия и тщания в работе с материалом, что невозможно не оценить.

Ксения Алексеевна проявила хорошую осведомленность в литературе вопроса (я уверена, что заявленные 38 позиций библиографии к работе отнюдь не отражают начитанной ею литературы), продемонстрировала увлеченность темой и материалом, ясно показала владение научным стилем, в целом сумела решить поставленные задачи.

Следует сказать в качестве итога, что работа, на мой взгляд, безусловно состоялась как аттестационное сочинение бакалаврского уровня, и состоялась очень убедительно.

Доктор филол. наук,
проф. кафедры русского языка СПбГУ

Т.С. Садова

06.06.2017